

МЕТА-МОДЕЛЬ ЯЗЫКА В НЛП

Одним из центральных понятий в НЛП является понятие “**мета-модели**” (гр. meta – после, за, через; обозначение системы, которая служит для описания другой системы) – такой терапевтической модели языка, которая позволила бы сделать язык орудием успешной психотерапии.

Мета-модель восстанавливает связь между языком и индивидуальным опытом и представляет собой серию вопросов, цель которых – восполнить утраченную информацию, восстановить разрушенную структуру, извлечь специфическую информацию из ответов, добраться до вторичной выгоды, дойти до категорий сенсорного опыта, чтобы придать смысл коммуникации. С помощью специальных вопросов разгадываются опущения, искажения и обобщения языка, глубинные ассоциативно-вербальные связи, за которыми скрывается индивидуальный опыт личности, в том числе и мучающие ее проблемы (28, 120 – 122).

Мета-модель выступает как основной инструмент сбора информации о клиенте, дает возможность идентифицировать ограничения, налагаемые индивидуальным опытом клиента, помогает установить эффективное общение между клиентом и психотерапевтом, обнаруживает новые решения проблемы клиента.

В процессе использования мета-модели часто применяют термины «поверхностная структура» и «глубинная структура» языка, выработанные, как известно, в трансформационной грамматике. В основе подобного типа грамматик лежит идея о том, что многообразие синтаксических типов в естественных языках покоится на относительно простой системе ядерных типов, преобразуемых с помощью небольшого числа трансформационных правил. При этом под трансформацией обычно понимают формальные операции, которые следует произвести над ядерной конструкцией, чтобы получить более сложные предложения, называемые **трансформами**. Например, из ядерного предложения *Ученик читает книгу* с помощью ряда трансформаций можно получить следующие трансформы:

- 1) Книга читается учеником;
- 2) Ученик читал книгу;
- 3) Ученик будет читать книгу;
- 4) Книга будет прочитана учеником;
- 5) Чтение книги учеником;
- 6) Ученик не читает книгу;
- 7) Читает ли ученик книгу?
- 8) Кем будет прочитана книга?
- 9) Ученик, читающий книгу;
- 10) Книга, прочитанная учеником и т. д.

В трансформационных порождающих грамматиках различают два уровня синтаксиса – глубинный и поверхностный. Задача грамматики –

выявление всех глубинных и поверхностных структур и установление между ними строгого соответствия. Насчитывают около двух десятков основных трансформаций, в результате которых получаются основные типы синтаксических конструкций разных языков.

Когда люди хотят передать другим свой опыт, они строят полную языковую картинку передаваемого мира и собственного опыта – так называемую глубинную структуру. В процессе речи они совершают серию выборов (трансформаций), имеющих отношение к форме, в которой они хотели бы сообщить свой опыт. Выбор происходит, как правило, автоматически и в большинстве случаев не осознается.

Структура предложений – это результат последовательных синтаксических выборов, совершаемых при порождении высказывания. Из определенного количества синтаксических структур говорящий, чаще всего не задумываясь, выбирает те, которые, на его взгляд, наиболее адекватно передают содержание его сообщения. Синтаксическая форма, в которой оказывается заключенной высказывание, и представляет собой поверхностную структуру.

Поверхностная структура представляет собой, по сути, репрезентацию или трансформацию полной глубинной структуры смысла высказывания. Поскольку в результате трансформации глубинная синтаксическая структура изменяется либо путем опущения отдельных элементов, либо путем изменения порядка слов; то при этом может изменяться семантика высказывания. В этом случае задача терапевта заключается в выявлении опущений и искажений, скрывающих проблему клиента.

Как отмечалось выше, основоположники НЛП выделили три основных лингвистических механизма, вносящих искажение в модели, а также способствующих тому, что люди принимают собственную модель мира за действительность: генерализацию, опущение и искажение. Эти процессы неоправданно упрощают представления о реальности, деформируют их или пропускают важные свойства и моменты вещей и событий. Обычно они полностью не осознаются, так что человек не способен контролировать эффективность своего моделирования окружающей действительности, и сталкивается только с последствиями упомянутых процессов. Это связано с тем, что система любого языка располагает определенными формальными приемами для выражения отношений причинности, так что способность их восприятия и передачи ничуть не зависит от осознания причинности как таковой. Не понимая (на уровне мышления) или не чувствуя (в процессе восприятия) подлинных причин, связующих явления, процессы и события окружающей реальности, человек считает эту связь имманентно присущей миру и придает ей статус объективного фактора.

К числу важнейших структурных элементов мета-модели языка, выделение которых помогает установить эффективную коммуникацию между психотерапевтом и клиентом, относят исключения, неспецифические

глаголы, номинализации, универсальные квантификаторы, модальные операторы, причину и следствие, чтение мыслей и некоторые другие.

Сущность **исключения** заключается в том, что пациент, рассказывая психотерапевту о своих проблемах, опускает в поверхностной структуре некоторые элементы, важные для понимания его проблемы, его модели мира. Если психотерапевт путем постановки соответствующих вопросов выясняет, что опущенные части отсутствуют в модели опыта клиента, то значит, модель обеднена, возможные способы поведения ограничены. По мере восстановления недостающих частей начинается процесс изменения.

Например, клиент говорит: «Я боюсь». Совершенно очевидно, что здесь опущена важная часть: кого или чего он боится? Выяснение этого – одна из задач терапевта, при этом клиент должен назвать свою фобию.

К **неспецифическим глаголам** в НЛП относят глаголы с недостаточно конкретным значением. Например, в поверхностных структурах: «мой отец обижает меня», «мой брат толкнул меня», «моя подруга поцеловала меня в щеку» - каждый последующий образ становится все более конкретным и ясным. В первом примере неясно, каким образом отец обижает клиента – физически или психологическими средствами. Во втором случае не конкретизировано, как толкнул – рукой, плечом, пнул ногой. В третьем примере образ становится более конкретным. Четкость и конкретность образа в последнем случае создается двумя факторами: значением самого глагола (глагол *целовать* более конкретен, например, чем глагол *касаться*) и объемом информации, содержащейся в остальной части высказывания (указано, кто поцеловал и куда поцеловал). В случае недостаточной конкретности глагола нужно добиваться от клиента описания ситуации более конкретными глаголами.

Номинализация представляет собой языковой процесс, в котором процессуальное слово или глагол глубинной структуры трансформируются в поверхностной структуре в событийное слово или имя. Событие отлично от процесса. Событие представляет собой нечто завершенное. Когда непрерывающийся процесс превращается в событие, то это выступает одним из способов приобретения скованности у людей. Событие произошло, его результаты зафиксированы, и ничего уже нельзя сделать, чтобы изменить их. Клиенты, представляющие непрерывные процессы в форме события, утрачивают контроль над этими процессами. И в этом случае задача психотерапевта заключается в том, чтобы восстановить связь данного события с продолжающимся процессом.

Еще одним важным структурным элементом мета-модели являются **универсальные квантификаторы**. К ним относятся слова, содержащие квантор общности: *все, всегда, везде, никто, никогда, нигде, всякий, каждый, любой* и др. Их употребление клиентом в своей речи, свидетельствует о генерализации, о преувеличении проблемы, например: *Никто меня не любит; Муж никогда не обращает внимания на то, что я говорю; Никому*

нельзя верить и т. д. Психотерапевт может помочь клиенту снять ограничение данной части модели, усомнившись в кванторе общности и попытавшись найти подтверждение своим сомнениям в опыте клиента.

На ограничение модели мира клиента часто указывают модальные операторы в поверхностной структуре его языка. **Модальные операторы** – это слова, указывающие на отсутствие и возможность выбора: *следует, должен, нельзя, не могу, необходимо, невозможно, не способен* и др. Такие слова указывают на правила и обобщения, соответствующие границам модели мира клиента. Выявление и восстановление опущений, стоящих за модальными операторами, помогут снять ограниченность модели мира клиента, показать существующий выбор реальных возможностей.

Один из способов искажения модели мира заключается в том, что ответственность за собственные подконтрольные им поступки и действия люди приписывают внешним факторам. В речевом шаблоне такое искажение проявляется в том, что одно **причинно** связывается с чем-то другим, хотя между ними нет причинно-следственных отношений. Например, в выражении *Начальник заставляет меня нервничать* причинно-следственная связь не очевидна. Семантическая неправильность подобного высказывания состоит в том, что никто не может в буквальном смысле создать в другом человеке какого-либо чувства, то есть в данном случае между поступком начальника и реакцией подчиненного причинной (необходимой, неотвратимой) связи не существует. Реакция на слова или поступок начальника могла бы быть и иной – спокойной. Задача психотерапевта – показать клиенту возможность выбора, возможность реагировать иначе.

Чтение мыслей как класс неправильных речевых шаблонов связан с предположением клиента, что он знает, что думает о нем другой человек (или другие люди), не располагая при этом прямым сообщением об этом. Например, когда студент утверждает *Каждый в группе думает, что я лентяй*, то создается впечатление, что он «прочитал» мысли всей группы. Подобные выражения следует приводить к психотерапевтически правильной форме.

Следует отметить, что лингвистические стратегии психотерапевтических мета-моделей разрабатывались с использованием английского языка. И хотя основные ее принципы сохраняются и в других языках, однако уточнение, детализация и более глубокая проработка применительно к иным языкам, в частности к русскому, остаются актуальными.

К числу **актуальных проблем** нейролингвистического программирования относится разработка вопросов установления и поддержания **раппорта** во время коммуникации (*rapport*, буквально: связь, отношение, взаимоотношение, взаимопонимание, гармония, согласие; процесс построения и поддержания отношений взаимного доверия и понимания между двумя или более общающимися; глубокое чувство

взаимного доверия). В НЛП раппорт предполагает позитивные намерения общающихся и включает в себя уважение к модели мира другого человека. В достижении раппорта важную роль играют все репрезентативные системы: визуальная (отзеркаливание взгляда и жестов), аудиальная (присоединение к тону и смыслу разговора), кинестетическая (эмоции, ассоциации, прикосновения), обонятельная и вкусовая (мощные и очень быстрые связи с ощущениями).

Важным для НЛП остается **описание репрезентативных систем**, соответствующих основным сенсорным каналам, и их языкового выражения с учетом национальной языковой специфики. Приводимые в работах примеры сенсорных слов и выражений не охватывают всей лексики данной тематической группы. Кроме того, в разных языках будет наблюдаться их разная частотность и значимость.

Не менее актуальной и значимой остается характеристика роли **невербальных каналов информации** в достижении раппорта применительно к национальному менталитету. Как отмечалось, в акте коммуникации 55 % воздействия определяется языком телодвижений (поза, жесты, контакт глазами), 38 % влияния вызывается тоном голоса и лишь 7 % — содержанием того, о чем говорится. Однако известно и то, что жестикуляция играет различную роль у разных народов. На протяжении часового разговора мексиканец, например, использует жестикуляцию 180 раз, француз — 120, итальянец — 80, а финн — всего один раз. Учет специфики национального менталитета является неотъемлемым фактором при установлении чувства взаимного доверия между психотерапевтом и клиентом.

Большое место в нейролингвистическом программировании занимают **техники НЛП** — методы психотерапевтического вмешательства, которые приводят к получению желаемых результатов. Значительную роль среди них играют техники якорения, где якорь рассматривается как фрагмент прошлого опыта, вызывающий положительные или отрицательные эмоции. Например, слово *экзамен* для многих студентов является якорем, они волнуются и теряют способность показывать лучшие результаты. С помощью техники якорения расширяется эмоциональная свобода человека, он освобождается от прошлых негативных переживаний и создает более оптимистичное будущее (28, 73—93).

Изменению личной истории человека и созданию позитивного будущего служат и другие техники НЛП: **техники субмодальностей, трансовые техники, рефрейминг**. В буквальном смысле субмодальности представляют собой способы, которыми наш мозг сортирует и кодирует опыт. Выделяют субмодальности визуальные (цветность, глубина, яркость, контрастность, резкость и т. д. зрительной картинки восприятия), аудиальные (громкость, тон, тембр, длительность, непрерывность или дискретность, скорость и т. д. звукового рисунка при восприятии) и кинестетические

(локализация, интенсивность, температура, тяжесть и т. д. ощущений). Субмодальные техники изменения используются для модификации тех способов, какими мы думаем о своем опыте и реагируем на него (34, 229).

Основой трансовых техник нейролингвистического программирования является эриксоновский гипноз, в процессе которого пациент снова переживает свой прошлый опыт, а позитивный ресурс затем развивается и закрепляется в его репертуаре для использования в настоящем и будущем. Трансовые техники основаны на том, что в самих людях содержится механизм, способный осуществлять позитивные изменения, но при этом люди должны быть убеждены в такой возможности, а сами изменения должны быть мотивированы. На этом же базируется и рефрейминг, который нередко называют переформированием. Он представляет собой перекомбинацию с помощью определенных техник прежнего болезненного и нежелательного опыта таким образом, чтобы он оказывался ценным и потенциально полезным (34, 289—301). Техники НЛП также нуждаются в дальнейшем усовершенствовании и разработке.

Таким образом, нейролингвистическое программирование помогает с помощью слова, языка корректировать личностную историю, достигать гармонии между внешним миром и внутренним миром человека.

Литература

1. Абрамова Г.С. Практическая психология. М., 1997.
2. Андреас К., Андреас С. Измените свое мышление – и воспользуйтесь результатами. СПб, 1994.
3. Бэндлер Р. Используйте свой мозг для изменения. СПб., 1994.
4. Бэндлер Р., Гриндер Д. Из лягушек – в принцы. Воронеж, 1995.
5. Бэндлер Р., Гриндер Д. Наведение транса М., 1995.
6. Бэндлер Р., Гриндер Д. Рефрейминг Воронеж 1995.
7. Бэндлер Р., Гриндер Д. Структура магии. СПб., 1996.
8. Бэндлер Р., Гриндер Д. Трансформейшн. СПб., 1995.
9. Бэндлер Р., Гриндер Д., Сатир В. Семейная терапия. Воронеж, 1993.
10. Бессер-Зигмунд К. Магические слова. СПб., 1996.
11. Гируцкий А.А., Гируцкий И.А. Основы нейролингвистики. Мн., 1998.
12. Гируцкий А.А., Гируцкий И.А. Нейролингвистическое программирование: принципы и проблемы // Вести БГПУ, 1998. № 2 – С. 41-47.
13. Гируцкий И.А. Моделирование в нейролингвистическом программировании // Слово во времени и пространстве: Сб. научных статей. Мн., 1999, с.45-47.
14. Гируцкий А.А. Нейролингвистическое программирование как одно из направлений взаимодействия психологии и лингвистики // Язык, слово, действительность: Материалы II Международной научной конференции (25 – 27 октября 2000 г.) / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка. Мн., 200. Ч. 1. – С. 63 – 65.

15. Гордон Д. Терапевтические метафоры. СПб., 1995.
16. Горин С. Нэлпер в свободном полете. Канск, 1997.
17. Дилтс Р. Стратегии гениев. М., 1998.
18. Калина Н.Ф. Основы психотерапии. “Рефл-бук”, “Ваклер”, 1997
19. Кандыба В.М. Эмоциональный гипноз как научный феномен. СПб., 1997.
20. Карелин А. Снег на листьях или психотехнология успеха. Саратов, 1994.
21. Коледа С. Моделирование бессознательного: Практика НЛП в российском контексте. М., 1999.
22. Кондрашенко В.Т., Донской Д.И. Общая психотерапия. Мн., 1998.
23. Люшер М. Сигналы личности. Воронеж, 1995.
24. Макаров В.В. Избранные лекции по психотерапии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
25. Макдональд В. Руководство по субмодальностям. Воронеж, 1995.
26. Материалы тренинга “НЛП-практик” Э.Энтус, Дж. Делозьер, П. Врица, Я. Ардуй. М., 1992.
27. Мэй Р. Искусство психологического консультирования. М., 1994.
28. О’Коннор Д., Сеймор Д. Введение в нейролингвистическое программирование. Челябинск, 1997.
29. Перлз Ф. Гештальт-подход и Свидетель терапии. М., 1996.
30. Пуселик Ф., Люис Б. Магия нейролингвистического программирования без тайн. СПб., 1995.
31. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
32. Спаркс М. Начальные навыки эриксоновского гипноза. Воронеж, 1995.
33. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
34. Трансформация личности. нейролингвистическое программирование. Одесса, 1995.
35. Фромм Э. Человек для себя. М., 1992.
36. Хейли Дж. Непобычайная психотерапия. СПб., 1995.
37. Цветков Э. Талец дождя. СПб, 1997.
38. Цветков Э. Мастер самопознания, или погружение в “Я”. СПб., 1997.
39. Эйдмиллер Э.Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи, СПб., 1999.
40. Эриксон М., Росси Э. Человек из февраля. Гипнотерапия и развитие самосознания личности. М., 1995.
41. Юнг К. Архетип и символ. М., 1991.

НЕСКОЛЬКО ТЕКСТОВ ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Текст 1. А.Р. Лурия. Несколько страниц из науки о мозге

Мозг вынут из черепа и положен на стеклянный столик.

Перед нами серая масса, вся изрезанная глубокими бороздами и выпуклыми извилинами. Она разделяется на два полушария – левое и правое, соединенные плотной мозолистой связкой. Снаружи это вещество равномерно-серого цвета; это кора больших полушарий; ее толщина едва достигает 4 – 5 миллиметров, но она окутывает большой мозг со всех сторон и состоит из огромного числа нервных клеток, которые и являются материальной основой всех сложнейших психических процессов. Кора наружных отделов по своему происхождению более молодая, кора обращенных внутрь отделов полушарий – более старая. Под тонким слоем коры – белое вещество, которое состоит из огромного числа плотно прилегающих друг к другу волокон, которые связывают отдельные части мозговой коры друг с другом, доводят до коры возбуждения, возникающие на периферии, и направляют на периферию программы действий, сформированных в коре. А еще глубже – снова участки серого вещества – подкорковые ядра мозга – самые древние и самые глубокие аппараты, в которых останавливаются возбуждения, идущие с периферии, и в которых они получают свою первоначальную обработку.

Как однородно и скучно выглядит мозг – этот высший продукт эволюции, этот орган, который получает, перерабатывает и хранит информацию, орган, который создает программы деятельности и регулирует их выполнение.

Совсем недавно мы еще очень мало знали о нем, о его строении и функциональной организации, и учебники были заполнены смутными предположениями, среди которых выделялись только островки четкого знания, и фантастическими домыслами, которые делали карты мозга мало отличающимися от средневековых географических карт мира.

Сейчас благодаря работам выдающихся ученых многих стран мира мы знаем о человеческом мозге гораздо больше, и, хотя наши представления о нем находятся еще на самых первых ступеньках подлинной науки, они уже далеки от тех неясных догадок и непроверенных домыслов, которыми ограничивались знания наших дедов.

<...> Можно с уверенностью утверждать, что впечатление об однородности и такой невыразительности серой массы, которое мы получаем при первом рассматривании мозга, явно расходится с той невероятной сложностью и расчлененностью, которой в действительности обладает этот орган. Серое вещество – его главная часть – не только состоит из необычайного числа нервных клеток, основных единиц мозговой деятельности (одни ученые исчисляют их количество числом 14 миллиардов,

другие называют еще более высокие цифры). Основное заключается в том, что эти нервные элементы распределены в строго организованном порядке и отдельные области или «блоки» мозга несут строго определенные и коренным образом отличающиеся друг от друга функции.

Сознательно идя на некоторое – но вполне допустимое при рассмотрении этих сложных вопросов – упрощение, мы имеем все основания выделять в головном мозге человека *три важнейшие составные части* – три основных блока этого удивительного аппарата.

Первый из них мы можем назвать «энергетическим блоком» или «блоком тонуса». Он расположен в глубине мозга, в пределах верхних отделов мозгового ствола и тех образований серого вещества, которые составляют древнейшую основу его жизнедеятельности.

Часть из этих образований трудно полностью отнести к нервной ткани: это полунервная, полусекреторная ткань; этот участок мозга входит в состав особой части – гипоталамуса и регулирует сложнейшие процессы химического обмена веществ в организме. Усвоение химических веществ, жировой обмен, рост, деятельность желез внутренней секреции – все это регулируется скоплениями серого вещества этой части мозга.

Другая часть этого блока, расположенная в пределах глубоких серых образований, которую древние называли зрительным бугром (и которая на самом деле имеет лишь отдаленное отношение к зрению), является первой станцией для потока той информации, которая приходит от наших органов чувств и направляется к мозгу.

Процессы, происходящие в сети нервных клеток этого блока, создают потоки возбуждения, которые возникают от процессов обмена внутри организма и от раздражения наших органов чувств и которые затем направляются к мозговой коре, придавая ей нормальный тонус, обеспечивая ее бодрствование. Если приток этих импульсов исчезает, тонус коры снижается, человек впадает в полусонное состояние, затем в сон. Это аппарат, обеспечивающий питание мозга, как источник энергии обеспечивает питание электронных приборов. <...>

<...> Второй основной блок головного мозга расположен в задних отделах больших полушарий и несет очень важную функцию. <...>

Этот блок не связан с обеспечением бодрствования коры; это дело первого блока, который мы только что описали. Его основная роль заключается в том, что он является блоком приема, переработки и хранения информации, доходящей до человека из внешнего мира.

Человек получает бесчисленное множество сигналов из окружающего его мира; его глаз воспринимает тысячи предметов – знакомых и незнакомых. Их отражение вызывает возбуждения в сетчатке нашего глаза и по тончайшим нервным волокнам доходит до затылочных отделов коры головного мозга – зрительной области мозговой коры. Здесь зрительный образ разлагается на миллионы составляющих его признаков: в коре

затылочной области есть нервные клетки, специализирующиеся на восприятии тончайших оттенков цвета, реагирующие только на плавные, округлые или только на угловатые линии, только на движения от краев к центру или от центра к краям. Эта «первичная зрительная кора» поистине удивительная лаборатория, дробящая образы внешнего мира на миллионы составляющих частей. <...>

К ней примыкает другая часть затылочной области – специалисты называют ее вторичной зрительной корой. Вся толща этой коры состоит из мелких нервных клеток с короткими отростками, они похожи на маленькие звездочки и получили название звездчатых клеток. Они расположены в верхних слоях мозговой коры; к ним доходят возбуждения, возникшие в клетках первичной зрительной коры, и они объединяют их в целые сложные комплексы, в «динамические узоры»: отдельные дробные признаки они превращают в целые сложные структуры.

Прикоснемся острием, заряженным электрическим током, к «первичной» зрительной коре (это легко можно сделать во время операций на головном мозге, и это совершенно безболезненно), и у человека перед глазами возникнут рассыпанные светящиеся точки, светящиеся шары, языки пламени.

Прикоснемся этим острием к какому-нибудь месту «вторичной» зрительной коры, и человек увидит какие-то сложные узоры, иногда целые предметы: вот перед ним склоняются деревья, вот прыгает белка, вот идет друг и делает ему знак рукой.

Электрическое раздражение этих «вторичных» отделов зрительной коры оказалось способным вызвать из памяти прошлого образы предметов, наглядные воспоминания. Это аппарат, перерабатывающий и хранящий информацию, и мы должны быть благодарны ученым из разных стран – Ферстеру из Германии, Петцлю из Австрии, Пенфилду из Канады – за то, что они открыли нам новый и такой захватывающий мир работы мозга.

Зато какие тяжелые последствия вызывает ранение этих отделов коры!

Ранение, разрушающее «первичную» зрительную кору одного полушария или пучки нервных волокон, которые идут к этой коре, неся зрительные возбуждения (они распространяются изящной петлей внутри мозгового вещества и получили красивое название «зрительного сияния»), приводит к тому, что часть того поля, которое видит глаз, стирается, становится невидимой; разрушение «первичной» зрительной коры или ее волокон левого полушария вызывает выпадение правой половины зрительного поля, а разрушение этой же части коры правого полушария – выпадение левой половины зрения. Врачи называют такое явление сложным и неудобным термином «гемианопсия» (половинное выпадение зрения): это верный признак того, какое именно место коры было разрушено!

Еще более причудливая картина возникает при разрушении «вторичной» зрительной коры.

Человек, у которого осколок снаряда или пуля попали в передние отделы затылочной области – а они-то и являются частями «вторичной» зрительной коры, – продолжает видеть предметы с такой же четкостью, с какой он видел их раньше. Но его маленькие «звездчатые» клетки, синтезирующие отдельные, дробные зрительные признаки в целые системы, перестают работать, и его зрение претерпевает удивительную метаморфозу: он по-прежнему хорошо видит отдельные части, но не может синтезировать их в целые образы предметов и принужден догадываться о значении отдельных воспринимаемых им предметов так же, как ученый, разбирающий древнюю ассирийскую клинопись, догадывается о значении отдельных значков. На картине, которая показывается такому больному, изображаются очки. Что это такое?.. Кружок... еще кружок... перекладина... и какая-то палка... и еще палка... Наверное, велосипед?! Нет, такой больной не может воспринимать предметы, хотя продолжает видеть отдельные признаки. У него появилось сложное расстройство, которое врачи обозначили латино-греческим словом «оптическая агнозия» (распад зрительного познания).

Но путь мозговой организации познания мира еще не закончен.

Ведь мы не просто воспринимаем отдельные предметы; мы воспринимаем целые ситуации; мы воспринимаем предметы в их сложных связях, соотношениях; мы размещаем их в пространстве: тетрадь лежит на столе справа, чернильница стоит слева; чтобы пройти по коридору в свою комнату, надо свернуть сначала налево, потом направо. Вещи размещены в целой системе пространственных координат, и мы сразу же схватываем их пространственное расположение.

Насколько восприятие целых ситуаций и пространственного размещения вещей сложнее, чем простое зрительное восприятие фигуры или даже предмета!

В нем участвует не только глаз, в нем принимает участие и наш двигательный опыт: тетрадь можно взять правой рукой, к чернильнице надо потянуться левой, в нем принимает участие и особый орган, скрытый в глубине нашего уха, – вестибулярный аппарат, обеспечивающий чувство равновесия, так необходимое для оценки трехмерного пространства; оно осуществляется при ближайшем участии движений глаз, которые промеряют расстояние от одного предмета до другого и прослеживают их соотношения переводом взора... Только организованная совместная работа этих разных систем может обеспечить перекодирование отдельных последовательных впечатлений в целую, одновременно (или, как предпочитают говорить ученые, «симультанно») организованную систему.

Естественно, что такое «симультанное», пространственное восприятие требует участия новых, еще более сложных отделов мозговой коры.

Такие отделы существуют. Они расположены на границе затылочной, теменной и височной области и составляют аппарат той «третичной» познавательной (теперь мы уже можем сказать – гностической) коры, в

которой объединяется работа зрительных (затылочных), осязательно-двигательных (теменных) и слухо-вестибулярных (височных) отделов мозга. Эти отделы – самые сложные образования второго блока человеческого мозга. В истории эволюции они возникли позднее всего и мощно разрослись только у человека. Они еще совсем не готовы к действию у только что родившегося ребенка и созревают только к 4- 7 годам. Они очень ранимы, и небольшие нарушения легко выводят их из строя. Они полностью состоят из сложнейших «ассоциативных» клеток, и многие ученые называют их зонами перекрытия зрительных, осязательно-двигательных и слухо-вестибулярных отделов мозга (рис. 1).

Именно эти «третичные» отделы коры и разрушила пуля у нашего героя.

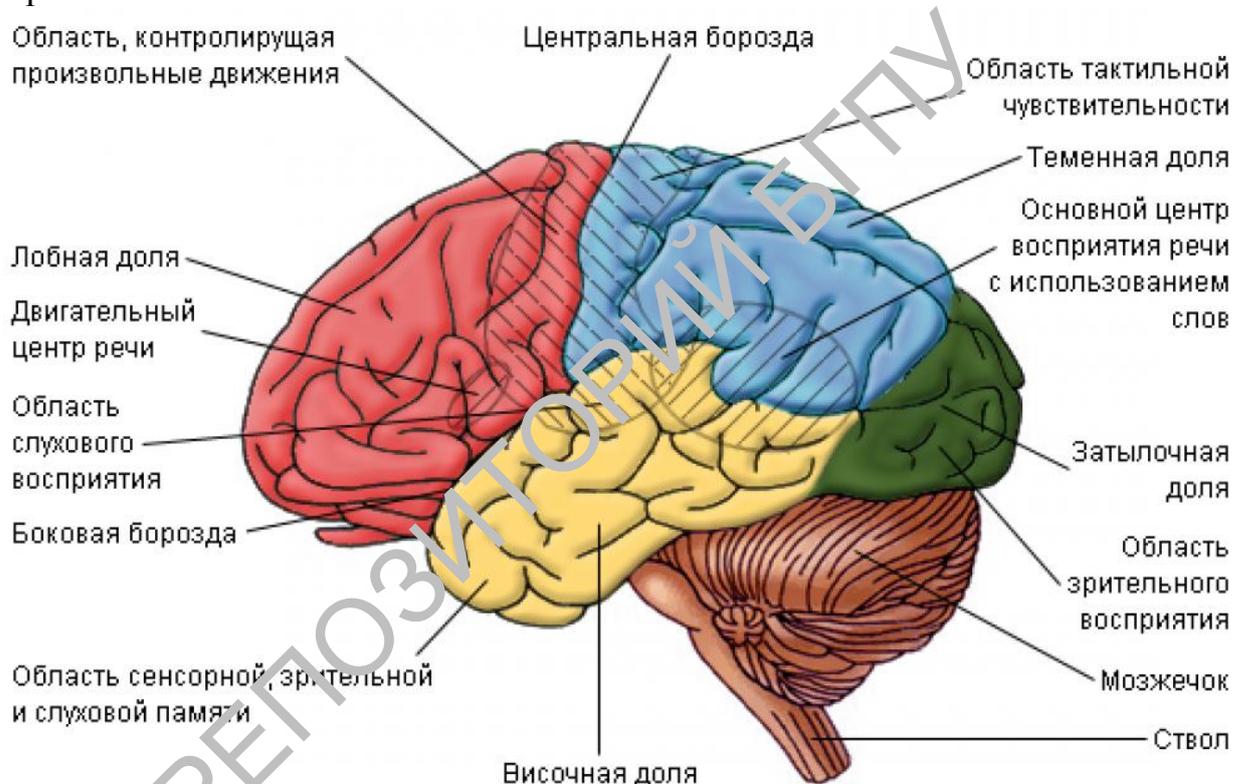

Рис. 1. Основные блоки человеческого мозга.

Что меняется, когда части этого отдела коры разрушаются осколком или пулей, кровоизлиянием или опухолью?

Зрение человека может оставаться относительно сохранным; только если осколок прошел через волокна «зрительного сияния», разрушив часть из них, в зрении появляются пустоты, слепые пятна, выпадает целая часть (иногда половина) зрительного поля. Человек продолжает воспринимать отдельные предметы (ведь «вторичные» отделы зрительной коры остались сохранными). Он может и воспринимать предметы на ощупь, слышать звуки, воспринимать речь...

И всё же что-то очень важное оказывается у него глубоко нарушенным: он не может сразу объединить впечатления в единое целое, он начинает жить в раздробленном мире.

Он ощущает свое тело: рука, еще рука, нога, еще нога... Но которая рука – правая? А где левая? Нет, он не может сразу разобрать это. Для этого нужно разместить руки в системе пространственных координат, отличить правую сторону от левой. Он начинает застилать кровать, но как положить одеяло – вдоль или поперек? И как одеть халат: какой рукав правый, а какой левый? И как понять, какое время показывают стрелки на часах? Ведь 3 и 9 размещены в совершенно одинаковых точках, только одна – слева, а другая – справа. А как определить «правое» и «левое»? Нет, каждый шаг в этом мире начинает становиться таким сложным...

Но и на этом не заканчиваются трудности, которые начинает испытывать человек, попавший в этот «раздробленный мир».

«Третичные» области теменно-затылочно-височной коры левого полушария имеют ближайшее отношение к организации еще одной, на этот раз важнейшей, психической деятельности – речи.

Еще больше ста лет назад французский анатом П. Брока открыл, что поражение задних отделов нижней лобной извилины левого полушария вызывает у человека распад «моторных» образов слова и лишает его возможности говорить, а через несколько лет после него немецкий психиатр К. Вернике обнаружил, что поражение задних отделов верхней височной области того же левого полушария (у правши) лишает его возможности различать звуки речи и понимать обращенную к нему речь.

Человек работает правой рукой; он пишет ею, она играет у него основную, ведущую роль. Но ею управляет противоположное – левое полушарие; и оно-то вместе с этим обеспечивает самую сложную из всех деятельностей, которыми располагает человек, – речь.

Но ведь речь участвует не только в разговоре – передаче сведений одного человека другому. Она необходимо участвует и во всех сознательных процессах самого человека. Мы называем воспринимаемые нами предметы словом; словом мы обозначаем направления и расположения: «справа», «слева», «сзади», «спереди», «под», «над»; грамматическими сочетаниями слов мы выражаем любые отношения, любые мысли; с помощью речи – пусть произносимой про себя, пусть сокращенной – мы обозначаем числа, производим вычисления: сложение, вычитание, деление; с помощью речи мы проникаем в глубь воспринимаемого мира, выделяем существенное, отвлекаемся от несущественного, обобщаем отдельные впечатления в целые категории, мыслим...

Нет, речь служит не только для общения людей друг с другом, она проникает глубоко в наше восприятие и память, в мышление и поступки; она организует наш внутренний мир, и, может быть, мы говорим (пусть неслышно и свернуто, не с другими, а сами с собою) даже тогда, когда мы молчим.

Не делает ли это совершенно естественным, что разрушение «третичных» отделов коры левого полушария приводит к еще более тяжелым последствиям, чем те, которые мы только что описали?

Человек с таким поражением начинает жить в раздробленном внутреннем мире: он не может вовремя найти нужного слова, оказывается не в состоянии выразить в словах свою мысль; начинает испытывать мучительные трудности, пытаясь понять сложные грамматические отношения; не может считать; всё, чему он научился в школе, вся система его прежних знаний распадается на отдельные, не связанные друг с другом куски.

Его мир, казалось бы, остается тем же самым, но как глубоко он изменился. В какие трагические лабиринты попадает этот человек, начинающий жить в таком раздробленном мире! Какие страшные последствия вызывает это небольшое ранение мозга!

Казалось бы, разрушения хотя бы части этого важнейшего блока человеческого мозга достаточно, чтобы целиком вывести человека из жизни, чтобы лишить его самого важного, что есть в человеческой личности, сделать его беспомощным инвалидом, разбить его настоящее, лишить его будущего.

Однако остается еще и третий, основной, блок мозга, о котором мы еще ничего не говорили и который остался у нашего героя неповрежденным.

Этот блок расположен в передних отделах мозга и включает в свой состав его лобные доли: он не обеспечивает тонуса коры, не принимает информации из внешнего мира, не перерабатывает и не хранит ее. Он связан с внешним миром только через посредство аппаратов второго блока и может успешно работать только, если первый блок обеспечивает нужный уровень бодрствования коры.

Однако его функция решающе важна: третий блок мозга является мощным аппаратом, позволяющим формировать и сохранять намерения, формулировать программы действий, регулировать их протекание и контролировать успешность их выполнения. Это блок программирования, регуляции и контроля человеческой деятельности.

Мы не будем рассказывать о нем подробно... <...>

Важно одно: поражение передних отделов мозга, включающих его лобные доли, создает картину, резко отличающуюся от описанной. Человек сохраняет свое восприятие и память; система знаний остается у него ненарушенной. Он продолжает жить в прежнем мире, но какая это жизнь! Он теряет всякую способность создавать прочные намерения и планировать свою деятельность, он не может создавать программы своего поведения и контролировать их выполнение; он может лишь отвечать на те сигналы, которые до него доходят, но оказывается не в состоянии превращать их в сложную систему кодов, управляющих его поведением. Он лишается возможности оценивать свои дефекты, переживать их и работать над их исправлением, он не может задуматься над тем, что он будет делать через

минуту, час, день. Охранив свое прошлое, он лишается своего будущего, а вместе с тем теряет то, что собственно и делает человека человеком. <...>

(Лурия А.Р. Романтические эссе. М., 1996. С. 121 – 130.)

ТЕКСТ 2. Б.М. ГРИНШПУН. КЛАССИФИКАЦИЯ НАРУШЕНИЙ РЕЧИ

Научно-обоснованные представления о формах и видах речевых нарушений являются исходными условиями для эффективных методик их преодоления. На протяжении всей истории развития логопедии исследователи стремились к созданию классификации речевых нарушений, охватывающей все их многообразие. Но и в настоящее время проблема классификации остается одной из актуальных проблем не только логопедии, но и других научных дисциплин, изучающих нарушения речевой деятельности: нейрофизиологии, медицины, пато и нейропсихологии, отраслей специальной психологии и педагогики: олигофренопедагогики, сурдопедагогики, тифлопедагогики. Сложность классификации речевых нарушений обусловлена рядом причин, среди которых ведущее место занимает недостаточная изученность самого механизма речи, а также несовпадение во взглядах исследователей на вопрос о принципах, на основе которых она должна быть построена <...>

... В настоящее время в отечественной логопедии в обращении находятся две **классификации речевых нарушений**, одна – **клинико-педагогическая**, вторая – **психолого-педагогическая**, или **педагогическая** (по Р.Е. Левиной).

Названные классификации при различии в типологии и группировке видов речевых нарушений одни и те же явления рассматривают с разных точек зрения, но они не столько противоречат одна другой, сколько дополняют друг друга, так ориентированы на решение разных задач единого, но многоаспектного процесса логопедического воздействия.

Клинико-педагогическая классификация опирается на традиционное для логопедии содружество с медициной, но, в отличие от чисто клинической, выделяемые в ней виды речевых нарушений не привязываются строго к формам заболеваний. <...>

Виды речевых нарушений, выделяемых в клинико-педагогической классификации

Все виды нарушений, рассматриваемые в данной классификации, на основе психолого-лингвистических критериев можно подразделить на две большие группы в зависимости от того, какой вид речи нарушен: устная или письменная.

Нарушения устной речи, в свою очередь могут быть разделены на два типа: 1) фонационного (внешнего) оформления высказывания, которые

называют нарушениями произносительной стороны речи; 2) структурно-семантического (внутреннего) оформления высказывания, которые в логопедии называют системными или полиморфными нарушениями речи.

I. Расстройства фонационного оформления высказывания могут быть дифференцированы в зависимости от нарушенного звена: а) голосообразования; б) темпоритмической организации высказывания; в) интонационно-мелодической; г) звукопроизносительной организации.

Эти расстройства могут наблюдаться изолированно и в различных комбинациях, в зависимости от чего в логопедии выделяются следующие виды нарушений, для обозначения которых существуют традиционно закрепившиеся термины:

1. Дисфония (афония) – отсутствие или расстройство фонации вследствие патологических изменений голосового аппарата. *Синонимы: нарушение голоса, нарушение фонации, фоноторные нарушения, вокальные нарушения.*

Проявляются либо в отсутствии фонации (афония), либо в нарушении силы, высоты и тембра голоса (дисфония), может быть обусловлена органическими или функциональными расстройствами голосообразующего механизма центральной или периферической локализации и возникать на любом этапе развития ребенка. Бывает изолированной или входит в состав ряда других нарушений речи.

2. Брадилалия – патологически замедленный темп речи. *Синоним: брадифразия.*

Проявляется в замедленной реализации артикуляторной речевой программы, является центрально обусловленной, может быть органической или функциональной.

3. Тахилалия – патологически ускоренный темп речи. *Синоним: тахифразия.*

Проявляется в ускоренной реализации артикуляторной речевой программы, является центрально обусловленной, органической или функциональной.

При замедленном темпе речь оказывается тягуче растянутой, вялой, монотонной. При ускоренном темпе – торопливой, стремительной, напористой. Ускорение речи может сопровождаться аграмматизмами. Эти явления иногда выделяют как самостоятельные нарушения, выраженные в терминах **баттаризм, парафразия**. В случаях, когда патологически ускоренная речь сопровождается необоснованными паузами, запинками, спотыканием, она обозначается термином **полтерн**. Брадилалия и тахилалия объединяются под общим названием – нарушение темпа речи. Следствием нарушенного темпа речи является нарушение плавности речевого процесса, ритма и мелодико-интонационной выразительности.

4. Заикание – нарушение темпо-ритмической организации речи, обусловленное судорожным состоянием мышц речевого аппарата. *Синонимы: логоневроз <...>.*

Является центрально обусловленным, имеет органическую или функциональную природу, возникает чаще всего в ходе речевого развития ребенка.

5. Дислалия – нарушение звукопроизношения при нормальном слухе и сохранной иннервации речевого аппарата. *Синонимы: косноязычие (устаревшее), дефекты звукопроизношения, фонетические дефекты, недостатки произношения фонем.*

Проявляется в неправильном звуковом (фонемном) оформлении речи: в искаженном (ненормированном) произнесении звуков, в заменах (субституциях) звуков или в их смешении. Дефект может быть обусловлен тем, что у ребенка не полностью сформировалась артикуляторная база (не усвоен весь набор артикуляционных позиций необходимых для произнесения звуков) или неправильно сформировались артикуляторные позиции, вследствие чего продуцируются ненормированные звуки. Особую группу составляют нарушения, обусловленные анатомическими дефектами артикуляционного аппарата. В психологическом аспекте нарушения произношения рассматриваются либо как следствие несформированности операций различения и узнавания фонем (дефекты восприятия), либо как несформированность операций отбора и реализации (дефекты продуцирования), либо как нарушение условий реализации звуков.

При анатомических дефектах нарушения носят органический характер, а при их отсутствии – функциональный.

Нарушение возникает обычно в процессе развития речи ребенка; в случаях травматического повреждения периферического аппарата – в любом возрасте.

Описанные дефекты являются избирательными, и каждый из них имеет статус самостоятельного нарушения. Однако наблюдаются и такие, в которые сказываются вовлеченными одновременно несколько звеньев сложного механизма фонационного оформления высказывания. К таким относятся ринолалия и дизартрия.

6. Ринолалия – нарушения тембра голоса и звукопроизношения, обусловленные анатомо-физиологическими дефектами речевого аппарата. *Синонимы: гнусавость (устаревшее), палапголалия.*

Проявляется в патологическом изменении тембра голоса, который оказывается избыточно назализованным вследствие того, что голосовыдыхательная струя проходит при произнесении всех звуков речи в полость носа и в ней получает резонанс. При ринолалии наблюдается искаженное произнесение всех звуков речи (а не отдельных, как при дислалии). При этом дефекте часто встречаются и просодические нарушения, речь при ринолалии мало разборчива (невнятная), монотонная. В

отечественной логопедии к ринопалии принято относить дефекты, обусловленные врожденными расщелинами нёба, т. е. грубыми анатомическими нарушениями артикуляционного аппарата. <...>

7. Дизартрия – нарушение произносительной стороны речи, обусловленное недостаточностью иннервации речевого аппарата.

Наблюдается несформированность всех звеньев сложного механизма фонационного оформления высказывания, следствием чего являются голосовые, просодические и артикуляционно-фонетические дефекты. Тяжелой степенью дизартрии является анартрия, проявляющаяся в невозможности осуществить звуковую реализацию речи. В легких случаях дизартрии, когда дефект проявляется преимущественно в артикуляторно-фонетических нарушениях, говорят о ее стертой форме. Эти случаи необходимо отличать от дислалии.

Дизартрия является следствием органического нарушения центрального характера, приводящего к двигательным расстройствам. По локализации поражения ЦНС выделяют различные формы дизартрии. По тяжести нарушения различают степень проявления дизартрии.

Чаще всего дизартрия возникает вследствие рано приобретенного церебрального паралича, но может возникнуть на любом этапе развития ребенка вследствие нейроинфекции и других мозговых заболеваний.

II. Нарушения структурно-семантического (внутреннего) оформления высказывания представлены двумя видами: алалией и афазией.

1. Алалия – отсутствие или недоразвитие речи вследствие органического поражения речевых зон коры головного мозга во внутриутробном или раннем периоде развития ребенка. *Синонимы: дисфазия, ранняя детская афазия, афазия развития, слухонемота (устаревшее).*

Один из наиболее сложных дефектов речи, при котором нарушены операции отбора и программирования на всех этапах порождения и приема речевого высказывания, вследствие чего оказывается несформированной речевая деятельность ребенка. Система языковых средств (фонематических, грамматических, лексических) не формируется, страдает мотивационно-побудительный уровень речепорождения. Наблюдаются грубые семантические дефекты. Нарушено управление речевыми движениями, что отражается на воспроизведении звукового и слогового состава слов. Встречается несколько вариантов алалии в зависимости от того, какие речевые механизмы не сформированы и какой из их этапов (уровней) преимущественно страдает.

2. Афазия – полная или частичная утрата речи, обусловленная локальными поражениями головного мозга. *Синонимы: распад, утрата речи.*

У ребенка теряется речь в результате черепно-мозговых травм, нейроинфекции или опухолей мозга после того, как речь уже была сформирована. Если такое нарушение произошло в возрасте до трех лет, то исследователи воздерживаются от диагноза афазия. Если же нарушение произошло в более старшем возрасте, то говорят об афазии. В отличие от афазии взрослых есть детская, или ранняя, афазия.

Нарушения письменной речи. Подразделяются на две группы в зависимости от того, какой вид ее нарушен. При нарушении продуктивного вида отмечаются расстройства письма, при нарушении рецептивной письменной деятельности – расстройства чтения.

1. Дислексия – частичное специфическое нарушение процесса чтения.

Проявляется в затруднениях опознания и узнавания букв; в затруднениях слияния букв в слоги и слогов в слова, что приводит к неправильному воспроизведению звуковой формы слова; в аграмматизме и искажении понимания прочитанного.

2. Дистрофия – частичное специфическое нарушение процесса письма.

Проявляется в нестойкости оптико-пространственного образа буквы, в смещениях или пропусках букв, в искажениях звукослогового состава слова и структуры предложений. В случае несформированности процессов чтения и письма (в ходе обучения) говорят об **алексии** и **аграфии**.

Нарушения письма и чтения у детей вызываются затруднениями в овладении умениями и навыками, необходимыми для полноценного осуществления этих процессов. По данным исследователей, эти затруднения обуславливаются дефектами устной речи (за исключением оптических форм), несформированностью операций звукового анализа, нестойкостью произвольного внимания.

Нарушения письма и чтения у детей необходимо отличать от утраты умений и навыков чтения и письма, т. е. дислексий (алексий) и дистрофий (аграфий), возникающих при афазиях.

Таким образом, в логопедии выделяются 11 форм речевых нарушений, 9 из них составляют нарушения устной речи на разных этапах ее порождения и реализации и 2 формы составляют нарушения письменной речи, выделяемые в зависимости от нарушенного процесса. Нарушения устной речи: **дисфония** (афония), **тахилалия**, **брадилалия**, **заикание**, **дислалия**, **ринолалия**, **дизартрия** (анартрия), **алалия**, **афазия**. Нарушения письменной речи: **дислексия** (алексия) и **дистрофия** (аграфия).

В приведенную классификацию включены лишь те формы речевых нарушений, которые выделены в логопедической литературе и применительно к которым разработаны методики. Внутри каждой из форм речевых нарушений существуют виды и подвиды. <...>

Психолого-педагогическая классификация возникла в результате критического анализа клинической классификации с точки зрения применимости ее в педагогическом процессе, каким является логопедическое воздействие. Такой анализ оказался необходимым в связи с ориентацией логопедии на обучение и воспитание детей с нарушениями развития речи.

Внимание исследователей было направлено на разработку методов логопедического воздействия для работы с коллективом детей (учебной группой, классом). Для этого необходимо было найти общие проявления дефекта при разных формах аномального развития речи у детей, особенно те, которые актуальны для коррекционного обучения. Такой подход потребовал другого принципа группировки нарушений: не от общего к частному, а от частного к общему. Это позволило строить ее на основе лингвистических и психологических критериев, среди которых учитываются структурные компоненты речевой системы (звуковая сторона, грамматический строй, словарный запас), функциональные аспекты речи, соотношение видов речевой деятельности (устной и письменной).

Нарушения речи в данной классификации подразделяются на две группы.

Первая группа – нарушение средств общения (фонетико-фонематическое недоразвитие и общее недоразвитие речи).

1. Фонетико-фонематическое недоразвитие речи – нарушение процессов формирования произносительной системы родного языка у детей с различными речевыми расстройствами вследствие дефектов восприятия и произношения фонем.

2. Общее недоразвитие речи – различные сложные речевые расстройства, при которых нарушено формирование всех компонентов речевой системы, относящихся к звуковой и смысловой стороне.

В качестве общих признаков отмечаются: позднее начало развития речи, скудный словарный запас, аграмматизм, дефекты произношения, дефекты фонемнообразования.

Недоразвитие может быть выражено в разной степени: от отсутствия речи или лепетного ее состояния до развернутой, но с элементами фонетического и лексико-грамматического недоразвития. В зависимости от степени сформированности речевых средств у ребенка общее недоразвитие подразделяется на три уровня.

Вторая группа – нарушения в применении средств общения, куда относится заикание, которое рассматривается как нарушение коммуникативной функции речи при правильно сформированных средствах общения. Возможен и **комбинированный дефект**, при котором **заикание сочетается с общим недоразвитием речи**.

В данной классификации не выделяются в качестве самостоятельных нарушений речи нарушения письма и чтения. Они рассматриваются в составе фонетико-фонематического и общего недоразвития речи как их системные,

отсроченные последствия, обусловленные несформированностью фонематических и морфологических обобщений, составляющих один из ведущих признаков. В классификации отражается последовательная опора на принцип системного подхода, на основе которого учитываются два соотношения: соотношение нарушений в системе речевой деятельности и соотношение нарушений как одного из психических процессов с другими сторонами психики ребенка, развитие которых тесно связано с речью. <...>

(Гриншпун Б.М. Классификация нарушений речи //

Дети с ограниченными возможностями: проблемы и инновационные тенденции в обучении и воспитании. Хрестоматия по курсу «Коррекционная педагогика и специальная психология. М., 2001. С. 246-252.)

ТЕКСТ 3. Г. С. АБРАМОВА. ИНТЕРВЬЮ КАК ОСНОВНОЙ МЕТОД ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

Описывая интервью как основной метод психологического консультирования, мы исходим из следующих предварительных соображений: психолог-консультант работает с заказом клиента. Если этот заказ предполагает диалогическую работу, то она проводится в специально назначенное время или другим специалистом-психодиагностом. Психолог-консультант не занимается постановкой диагноза, он анализирует ситуацию клиента как уникальную, применяя для этого анализа специальные знания.

Интервью и является одним из специальных методов анализа уникальной ситуации заказа клиента с целью создания для него альтернативных вариантов действий, переживаний, чувств, мыслей, целей, то есть с целью создания большей мобильности его внутреннего мира.

Что отличает интервью от других методов работы практического психолога? Прежде всего, интервью всегда индивидуализировано, оно предполагает построение предмета взаимодействия психологом и клиентом. Предметом взаимодействия будет внутренний мир клиента, модальности, в которых он будет описан, составят тему взаимодействия психолога и клиента.

Например, темой могут стать переживания клиента или отдельной могут стать действия клиента.

Но существенно важным для проведения интервью является то, что предметом взаимодействия, определяющим отношения клиента и психолога, будет внутренний мир клиента. Процесс интервью направлен на то, чтобы в обсуждении различных тем изменить отношение клиента к его внутреннему миру – сделать его более динамичным.

Тема интервью задается клиентом в определенном, строго индивидуальном жизненном контексте, одна и та же тема, например, переживание своей родительской некомпетентности, может быть задана в

разном контексте; например, неполной семьи, повторного брака или у человека с правами попечителя, а не родителя.

Восстановление контекста появления темы отличает интервью от других методов психологической помощи тем, что не только объективные данные о контексте, но отношение к ним клиента, его роль в этом контексте являются важной составной частью заявленной темы.

Психолог, работающий с темой заказа и ее контекстом, должен постоянно контролировать в ходе интервью собственные личные проекции на содержание темы, их мы обозначим так – подтекст интервью.

Это ситуации, когда во взаимодействии с клиентом в ходе интервью психолог решает свои личные проблемы через проекцию, перенос, сублимацию и другие варианты защитных механизмов своей личности и не осознает их...

Итак, в ситуации интервью психолог должен рефлексировать на тему заказа клиента, контекст ее появления и на подтекст своих действий, для построения предмета взаимодействия с клиентом.

Интервью предполагает оказание воздействия на клиента с помощью вопросов и специальных заданий, раскрывающих актуальные и потенциальные возможности клиента. Вопросы – основной способ воздействия психолога на клиента в ходе интервью.

В литературе обычно описывается пятишаговая модель процесса интервью. Остановимся на ней подробнее.

Первая стадия интервью – структурирование, достижение взаимопонимания или как ее часто маркируют – «Привет!».

Какие цели решаются психологом и клиентом на этой первой стадии, которая может длиться от нескольких секунд до десятка минут? Психолог структурирует ситуацию, определяя, что будет темой его взаимодействия с клиентом. Он дает клиенту информацию о своих возможностях. При этом психолог решает проблемы установления контакта, соответствия, раппорта с клиентом. Конкретные варианты решения этих проблем зависят от индивидуальных и культурных особенностей клиента.

Клиент на этой стадии интервью решает задачи достижения психологического комфорта, то есть задачи эмоционального и когнитивного принятия ситуации интервью и личности психолога.

Эта стадия интервью заканчивается, когда достигнуто соответствие психолога и клиента, которое может быть выражено ими примерно в следующей формулировке: «Я его чувствую, понимаю» (психолог), «Меня слушают, я доверяю этому человеку» (клиент).

Вторая стадия интервью обычно начинается со сбора информации о контексте темы: происходит выделение проблемы; решается вопрос об идентификации потенциальных возможностей клиента. Маркировка этой стадии интервью: «В чем проблема?».

Психолог решает следующие вопросы: зачем клиент пришел? Как видит свою проблему? В чем его возможности в решении этой проблемы? На материале заявленной темы психолог уясняет позитивные возможности клиента в решении проблемы.

Когда цели клиента будут четко поняты, психолог возвращается к определению темы.

После этого начинается третья стадия интервью, которую можно обозначить так – желаемый результат. Маркировка этой стадии интервью – «Чего вы хотите добиться?».

Психолог помогает клиенту определить свой идеал, решить вопрос о том, каким он хочет быть. Обсуждается также вопрос о том, что произойдет, когда желаемый результат будет достигнут.

Некоторые клиенты начинают именно с этого этапа. Если психологу уже ясны цели клиента, то рекомендации должны быть даны немедленно.

Четвертая стадия интервью представляет собой выработку альтернативных решений. Маркировка этой стадии – «Что еще мы можем сделать по этому поводу?».

Психолог и клиент работают с различными вариантами решения проблемы. Поиск альтернатив осуществляется с целью избежания ригидности и выбора среди альтернатив. Психолог и клиент исследуют личностную динамику клиента. Этот этап может быть длительным.

Психолог должен учитывать, что верное для него решение может быть неверным для клиента, в то же время для некоторых клиентов нужны четкие директивные рекомендации.

Пятая стадия интервью – обобщение предыдущих этапов, переход от обучения к действию. Маркировка этого этапа – «Вы будете делать это?». Психолог предпринимает усилия по изменению мыслей, действий и чувств клиентов в их повседневной жизни вне ситуации интервью. Из практики консультирования известно, что многие клиенты ничего не делают для изменения.

Обобщение, которое делает психолог, учитывает индивидуальные и культурные особенности клиента, выявленные на первых стадиях интервью. <...> Первая стадия «Привет!» – это установление контакта и ориентирование клиента на работу. Если в течение 5 минут отношения не сложились, то ситуацию консультирования, как показывает практика, исправить трудно.

<...> Большое значение будет иметь выбор лексики. Все оценочные модальности («случилось», «беспокоит», «произошло» и т. п.), а также близкие к научным термины (среди них наиболее пугающий клиентов термин – «проблема», но это бывают и такие термины: «отношения», «средства» и т. п.).

<...> Психологу при установлении контакта необходимо использовать имя клиента в обращении к нему. Как известно, имя и его употребление – это

средство управления клиентом. Повторение имени создает условия как для индивидуализации контакта, так и для воздействия на клиента.

<...> Задавая вопросы, психолог ориентируется на текст клиента, где есть ключевые слова, отражающие содержание проблемы клиента. Как во всем тексте, произнесенном клиентом, так и в каждой его фразе есть эти ключевые слова, фиксирующие тему взаимодействия в предмете – внутреннем мире клиента, событиях его жизни.

Ключевое слово в любом тексте может быть определено по следующему критерию: оно не может быть заменено синонимом. Если его заменить, то смысл всего текста или отдельной фразы в тексте нарушается. Ключевое слово – это фиксация темы взаимодействия. Психолог, задавая вопросы, производит ориентацию анализа ситуации жизни клиента на предмет профессионального взаимодействия с ним. Он говорит с ним о его внутреннем мире, о его роли в происхождении событий его жизни. Психолог в своем профессиональном воздействии показывает клиенту его собственное участие в событиях его жизни. При этом он идентифицирует потенциальные возможности клиента, специально обращаясь к нему с оптимистическими суждениями: «Изменяясь сами, вы будете изменять других», «Нужно время и терпение, чтобы изменился тот, кто рядом» и т. п.

<...> Гипотезы, которые психолог будет обсуждать с клиентом, должны быть просто и адекватно выражены для клиента. Это еще раз выдвигает на передний план проблему адекватного языка интервью, который должен отвечать следующим правилам построения, обращенным к психологу: 1) не надо сгущать краски, употребляя оценочные суждения; 2) ориентируйтесь на ключевое слово – тему клиента; 3) не навязывайте свою точку зрения; 4) употребляйте простые слова и образы для передачи информации; 5) говорите кратко.

Во время консультирования не надо объяснять клиенту о нем все, что узнал психолог. Достаточно четко изложить одну проверенную фактами гипотезу, чтобы показать клиенту вариант логики в его поведении. Для сообщения содержания гипотезы психолог демонстрирует клиенту разные стороны проблемы через содержание своих вопросов, чтобы клиент мог эту информацию принять и проверить. Для этого используется известный принцип обратной связи, который для психолога проявляется в виде вопроса по высказыванию клиента, а для клиента – в виде ответа на этот вопрос.

<...> Консультирование – это в известном смысле упрощение поведения клиента по заданной логике, это структурирование его внутреннего мира. Оно не будет эффективно без эмоциональной включенности человека в рассказ о себе. Психологу важно собрать факты, подтверждающие гипотезу и упрощающие ее для клиента.

Эмоциональная включенность клиента в эту ситуацию определяет процесс структурирования. Разговор психолога с клиентом на основе выдвинутой гипотезы, по мнению многих авторов, не должен превышать 10

минут. Рекомендуется прервать рассказ клиента, если психологу уже ясна рабочая гипотеза. Когда цели клиента четко поняты психологом, следует вернуться к определению проблемы. Это позволяет клиенту увидеть свою проблему и уточнить его позитивные возможности.

<...> Интервью является основным методом психологического консультирования, так как оно является ситуацией принятия психологом профессиональных решений в отношении проблем клиента. Это именно та ситуация, где проявляются и формируются важнейшие профессиональные качества психолога – личностная и профессиональная рефлексия на ситуацию взаимодействия с клиентом.

Консультирование состоит из анализа не только вербальных реакций психолога и клиента. Не менее важна рефлексия психолога и на невербальные интеракции с клиентом во время интервью. При этом необходимо учитывать, что невербальный язык отражает: условия взаимодействия с клиентом (время и место беседы, оформление кабинета и т. п.); информационный поток (смысл речевого высказывания может быть выражен невербально); интерпретацию содержания темы участниками взаимодействия. Основные навыки внимания психолога проявляются в его визуальном контакте с клиентом (когда и почему индивид перестает смотреть в глаза), в анализе языка тела (считается, что наиболее информативным является изменение наклона туловища), в фиксации интонации и типа речи (громкость произносимого и т. п.), а также в учете всех изменений темы.

В успешном интервью между психологом и клиентом возникают согласованные или симметричные движения. <...>

(Абрамова Г.С. Практическая психология. М., 1997. С. 150-163.)

ТЕКСТ 4.Т. ПАУЭЛЛ, Дж. ПАУЭЛЛ. ГОЛОГРАФИЧЕСКАЯ ИННЕРГИЗАЦИЯ

Мозг «похож» на голограмму

Размещенные в мозге кладовые, коллекции и банки данных своим устройством напоминают голограмму. Голограмма образуется из множественного набора образов или опорных точек одного и того же объекта – различных перспектив или аспектов объекта, человека или предмета.

Поскольку я (Таг Пауэлл) коллекционирую голограммы уже много лет, это сравнение мозга с голограммой сразу же привлекло мое внимание. Как-то раз я нечаянно разбил одну из своих голограмм и обнаружил весьма интересную вещь. Несмотря на то, что пластинка разлетелась пополам, на обеих половинках сохранилось трехмерное изображение. Пластинку можно ломать на все более и более мелкие кусочки, и каждый из них будет давать трехмерное изображение. И все же эта картинка меняется – она становится менее детальной. Изображение остается объемным, но иллюзия уже не такая полная. Например: если на голограмме было лицо целиком, и если

уничтожить *правую* половинку, все равно изображение останется трехмерным, но в основном будет просматриваться *левая* половина лица!

На голограммах высокого качества содержится больше запечатленных образов, то есть больше опорных точек – они-то и создают более детальное, четкое, резкое трехмерное изображение.

Доктор Карл Прибрам из Стэнфордского университета был первопроходцем в области исследования мозга и сознания. Он полагал, что мозг сохраняет и перерабатывает данные одним и тем же способом: используя множественные образы. Это означает, что одни и те же данные регистрируются целым «семейством» нейронов в мозге. Прибрам назвал это «голографической теорией мозга».

Вплоть до публикации работы доктора Прибрама о голографической модели мозга, было принято считать, что каждый элемент данных или информации хранится только в одном определенном месте. Самый простой пример: один специальный нейрон мозга фиксирует данные, относящиеся к руке, другой нейрон занимается ухом. Работа Прибрама указала на открытие нового уникального способа хранения мозгом информации – одни и те же базовые данные одновременно «записываются» в нескольких «семьях» мозговых клеток.

Истоки голографической теории визуализации

Внимательно изучив голографическую теорию мозга, мы догадались о возможности приложения наших представлений к пониманию визуализации как функции мозга / сознания

<...> Искусство визуализации похоже на голографию. Чтобы зрительный образ был таким же ярким, как хорошая голограмма, он должен содержать все детали. Вы должны увеличить количество деталей в данных, зафиксированных мозгом. Чем больше информации, деталей и различных мелочей – тем ярче зрительный (мысленный) образ. Это можно сделать с помощью обострения вашей наблюдательности. Увеличив число опорных точек – добавив больше деталей, – вы улучшите свою визуализацию.

<...>

Обманите свое сознание

Ваше внутреннее сознание не станет блокировать те действия и цели, которые не считает новыми, – те, которые сохраняют ваш статус-кво. Простой способ *перепрограммировать*, убедить или *обмануть сознание* – создать то, что мы называем *киноопытом*.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ: *киноопыт* – это больше чем визуализация. Это создание полноценного переживания, затрагивающего телесную и духовную сферу – зрение, слух, обоняние, осязание, вкус и, самое главное, чувства и эмоции.

Когда вы садитесь за стол, чтобы поесть, мозг отмечает не только картинку «Тарелка с макаронами», он также фиксирует идущий от тарелки жар, запах соуса, стук поставленной на стол тарелки и, конечно же, вкус,

который вы почувствуете, как только приступите к трапезе. Таким образом, запоминается не только внешний вид, но все переживание полностью, включая испытываемые в этот момент чувства и эмоции.

Это был жизненный опыт, а мы говорим о киноопыте – о *созданном* переживании как противоположности испытанному или припомненному. Создайте свой киноопыт для всего, на что хотите запрограммировать сознание: успешное поведение, жизненные цели или счастливые взаимоотношения. В этом случае мозг воспримет киноопыт как жизненный.

Уделив время для создания полноценного переживания, вы сможете повысить эффективность своего психического программирования.

Эффективное усвоение, программирование и перепрограммирование киноопыта определяются двумя следующими факторами: повторение и качество ввода.

Сила повторения

Повторение – мать учения. Оно создает основу для идей, образов и программ, необходимых для киноопыта. Повторение мысленных представлений помогает внести и надежно закрепить новую информацию в бесчисленных клеточках мозга, образуя киноопыт. Рекламные агентства успешно используют повторение при продаже всего и вся, от мыла до каши. В удачной радио- и телевизионной рекламе вы услышите название товара, как минимум, три раза.

Качество ввода

В современном мире компьютерной обработки данных значение имеет не сколько раз вы вводили вещи данные, а с каким *качеством* – ввод должен быть правильным. Качество ввода является важнейшим слагаемым успеха. Когда наши глаза посылают мозгу картинку того, на что мы смотрим, они передают «правильную» картинку (конечно, насколько «правильно» мы сами ее видим). Эти данные сравниваются с ранее полученными, сортируются и размещаются. Вещи, которые вы видите, предполагаются реально существующими и регистрируются как *факт*. Стул, стол, проехавшая по улице машина – вот примеры вещей, регистрируемых как факт. Если между новыми и ранее полученными и сохраненными данными возникает конфликт, новые данные *перерабатываются* и регистрируются как умозрительные (теоретические). Если вы присутствуете на выступлении иллюзиониста и видите парящую в воздухе женщину, это и есть пример умозрительных данных.

Если вы хотите перепрограммировать вашу прежнюю структуру убеждений, вы должны посылают мозгу повторяющиеся психические образы вашей новой программы. Как мозг сохранит эти данные – зависит от качества ввода и от сравнения с ранее зафиксированными данными. «Промаш» при вводе новых данных может снизить успешность программирования. Если информация противоречит вашей прежней программе, она будет расценена как умозрительная, поскольку окажется вне вашей зоны комфорта. Создайте

детальный киноопыт, повторите его несколько раз на уровне альфа-ритмов – и отметьте, как расширилась ваша зона комфорта, обогатившись ситуациями и переживаниями.

<...>

Визуализация... методы совершенствования

Следующий шаг в голографической иннергизации оказался настоящим достижением. В наших поисках методов совершенствования визуализации мы знали, что уже нашли ключ – внимательное наблюдение. На последующем этапе надо было найти способ вставить ключ в замок и повернуть его. Ответ пришел, когда мы изучали нейролингвистическое программирование (НЛП) – теорию о языке мозга. Все стало становиться на свои места. Ответ был так прост и лежал фактически в двух шагах от классической теории НЛП. Просто удивительно, что никто из занимающихся НЛП не обнаружил его раньше.

Классическая теория НЛП учит, что, когда мы думаем на определенную тему или вызываем определенные образы, наш взгляд автоматически фиксируется в характерном направлении, так как глаза тесно связаны с деятельностью мозга. Наш взгляд непроизвольно перемещается вверх и влево, когда мы вызываем зрительные образы (из памяти), и автоматически уходит вверх и вправо, когда мы конструируем зрительный образ (воображение / творчество).

Итак... внимательное наблюдение – ключ... теория НЛП – это штифты внутри замка... метод Сильвы – это поворот ключа в замке. Осталось только совместить все это, чтобы открыть дверь! Дверь, ведущую к новому эффективнейшему инструменту визуализации – голографической иннергизации.

Основы голографической иннергизации

Итак, если наш взгляд автоматически принимает характерное направление, когда мы думаем / вызываем определенные мысли, то должно быть верно и обратное – чтобы ввести новые данные (воображение / творчество), мы можем намеренно устремить взгляд в нужном направлении и создать, ввести новый образ... или киноопыт.

Сознательно переместив свой взгляд в определенном направлении, мы обманем мозг и убедим сознание, что киноопыт действительно имел место, что он – часть нашей памяти о прошлом. Ухватившись за эту идею, мы начали экспериментировать и исследовать этот факт на наших семинарах. Мы обнаружили (и это не слишком нас удивило), что наиболее устойчивых изменений можно добиться, если вводить новую информацию на уровнях релаксации, соответствующих альфа-ритмам. Выход на уровни психической и –физической релаксации... позволит нам обойти коварные преграды логического анализа, связанного с бета-ритмами, тем самым облегчая ввод, прием и программирование киноопыта. <...>

<...>

РЕЗЮМЕ

Голографическая иннергизация – коммуникация с вашим внутренним «Я»

Теперь вы знаете секреты голографической иннергизации. Возможно. Это первое крупное достижение в области визуализации за долгие, долгие годы.

Голографическая иннергизация важна для тех людей, у которых «не идет» визуализация из-за того, что они: 1) плохо понимают визуализацию усложняя ее своими внутренними установками; 2) не являются людьми зрительного типа, так как слуховой или кинестетический канал у них развит лучше.

Теперь благодаря голографической иннергизации они смогут эффективнее использовать свои врожденные слуховые и кинестетические возможности и создавать зрительный канал в своем кинопыте.

Имея это новое средство, вы можете устанавливать себе цели... и достигать их. Метод голографической иннергизации сделает ваше внутреннее сознание лучшим другом, помогающим вам добиться успеха во всех ваших делах и начинаниях. <...>

(Пауэлл Т., Пауэлл Дж. Психотренинг по методу Хосе Сильвы. СПб., 1996. С. 50-71.)

ТЕКСТ 5. Д. МОЛДЕН. СИЛА СЛОВА

*Удар кнутом оставляет следы на теле;
а удар словом ломает кости. Многие пали от
острия меча; но еще больше погибло от слова.
Апокрифы Экклезиаста*

Речь – это ниша универсальная система для передачи смысла, для понимания и познания друг друга, и хотя происхождение речи теряется в глубинах истории именно она вызывает многие проблемы человеческих отношений в современных организациях.

Слова похожи на боеголовки ядерных ракет.

Когда в организациях обсуждается тема общения, обычно имеются в виду такие вопросы: *Что говорить? Кому говорить? Как говорить?* В предыдущей главе я сказал о том, что слова отвечают только за 7 процентов смысла, и все же с помощью этого небольшого количества мы можем заложить огромную силу в нашу коммуникацию. Слова похожи на боеголовки ядерных ракет, которые являются лишь небольшой частью боевой подводной лодки. Хотя сам вид подводной лодки может представлять собой угрозу нападения, именно боеголовка внутри ракеты способна вызывать разрушения.

У каждого сообщения есть определенная мощьность.

Возможно, вы тоже испытали на своем опыте, как хорошие люди погибают от силы слова, либо непосредственно от силы слова авторитарного, бесчувственного деспота, либо косвенно от лидера, неспособного выразить настоящие мысли других.

У каждого сообщения есть определенная мощь, и в этой главе описано много способов, с помощью которых вы можете увеличить мощь своих сообщений, чтобы экологично достигать своих целей.

Речь – это инструмент, который можно использовать как рычаг управления ситуациями и средство движения к целям. Это инструмент диагностики, воздействия и убеждения. Речь дает подсказки о шаблонах и процессах мышления других людей, и то, как вы ее используете, может либо ограничивать, либо увеличивать вашу гибкость. Некоторые люди мастерски овладели искусством реакции типа «словесных ухищрений»..., используя сложные специальные термины, чтобы выработать решения, которые на первый взгляд правдоподобны, но срываются из-за того, что не учтены ценности группы. Есть другие, более эффективные люди, которые знают и понимают силу слов. Эти люди научились языку «реакции любопытства». Возможно, вы знаете людей в обеих этих категориях.

Намерение, цель и результат

Мысль и речь почти что слиты воедино в один процесс.

Речь – это один из фильтров восприятия, которые обобщают, искажают и частично удаляют воспринимаемую информацию, помогая формировать собственное видение реальности. Речь подчинена определенной структуре и набору правил, которые помогают упорядочивать слова, чтобы нас могли понимать другие, и эти правила настолько глубоко запечатлены в нашем подсознании, что мысль и речь почти что слиты воедино в один процесс. Я собираюсь познакомить вас с набором правил, которые помогут нам продуктивнее использовать речь, и я начну с намерения и цели.

Бывает, что у нас вырываются слова, и когда они сказаны, их уже поздно менять, – если бы можно было возвращаться обратно и разумнее выбирать слова, мы бы значительно улучшили свое мастерство общения. Слова сразу же влияют на слушателей. Классический пример этого – человек, который говорит: «Меня раздражают те, кто возит прицепы за машинами», на что второй отвечает: «Я вожу прицеп», и первый говорит: «Ну, не все раздражают, я в основном против больших автопоездов».

В основе любого сообщения есть намерение.

Первые же произнесенные слова влияют на слушателя. Как вы думаете, слушатель поверит первому утверждению или второму? Слова нужно выбирать с умом. Встреча эффективна, когда она предназначена для цели более высокого уровня, чем каждое отдельное предложение, и когда к тому

же за каждым словом есть четкое намерение. В основе любого сообщения есть намерение, но часто намерение оказывается ненужным, или подсознательным, и которого говорящий не осознает. Некоторые люди без умолку говорят о всевозможных вещах безо всякого продуктивного намерения, кроме наполнения пространства словами. Один менеджер, которого я знал, уводил от темы любое совещание, говоря почти без остановок. Его постоянная болтовня состояла из рассказов о случаях из жизни, и быстро уходила в сторону от обсуждаемого вопроса. В ней явно не было никаких сознательных усилий выдавать слова с намерениями и целями более высокого уровня.

Я могу только предполагать, что намерением его автопилота было, возможно, убедить других в богатстве его опыта. Если у вас нет сознательного намерения, ваш автопилот выберет то, которое может быть несогласованно (не конгруэнтно) с вашими целями.

Если у вас нет сознательного намерения, ваш автопилот выберет то, которое может быть несогласованно (не конгруэнтно) с вашими целями.

Речь как фильтр опыта

Если мы поймем, в чем речь нас подводит, мы узнаем, в чем нужно начать совершенствовать коммуникацию. В модели передачи информации НЛП из второй главы было объяснено, как речь фильтрует переживания. Если бы я рассказал вам о моей недавней поездке в Германию, включая каждое мгновение моего опыта, – размер, форму, цвет гостиницы, какие в ней окна, все мои разговоры с официантами, погоду каждый день, и так далее, – вам бы стало очень скучно. Так что я выбираю то, что мне кажется интересным для вас, и пропускаю остальное.

Мы делаем это все время, и часто те слова, которые мы используем, чтобы добиваться краткости, на самом деле меняют смысл наших первоначальных мыслей, обобщая, опуская детали, и искажая само воспоминание. Речь можно считать поверхностной структурой нашего опыта, а мысли, которые вызвали слова, глубокой структурой. Слова никак не могут быть самим переживанием, которое они описывают – они слишком далеко от него отстоят. Сначала мы получаем опыт, который мы представляем себе с помощью внутренних систем представления информации, а когда мы хотим рассказать другим об опыте, мы вызываем информацию о восприятии из памяти (мысли), которые в свою очередь вызывают слова. Слова, которые мы используем, не совпадают с событием или предметом, который они описывают.

Слова, которые мы используем, не совпадают с событием или предметом, который они описывают.

<...>

Размер частей информации

<...> Говорить большими частями информации означает говорить глобально и обобщенно, а говорить небольшими частями означает быть более конкретным. Если бы мы говорили о транспорте, «транспортная система» – это крупная (глобальная) часть, а «автобус, на котором я езжу» – мелкая (конкретная) часть...

Некоторые люди предпочитают говорить глобально, другие предпочитают быть конкретными. Для гибкого общения нужна способность укрупнять, дробить или оставаться на том же уровне в зависимости от ситуации. Просто оставаться на одном уровне, конечно, не гибко. Политики – мастера в этом деле. Если вы зададите политику относительно мелкий вопрос, например: «Как вы собираетесь поступить с налогом на прибыль?», обычным уклоняющимся ответом будет: «Налог на прибыль – это не только один из элементов формулы инфляции, мы всегда говорили, что этот вопрос еще долго будет очень актуальным в политической повестке дня, и наши результаты за последние пять лет ясно показывают, что мы были в этом правы».

В этом ответе части укрупнились от «налога на прибыль» до «инфляции». При движении по горизонтали размер частей сохраняется.

Вообще-то говоря, чем более высокую позицию вы занимаете в организации, тем больше размер частей информации в ваших разговорах. Я знал некоторых очень крупных руководителей, которые предпочитали общаться очень мелкими частями. Оказывается, что при таком вашем поведении сотрудник воспринимает, что начальник вмешивается в его работу. Когда вы разговариваете с руководителем выше по положению, укрупните части по сравнению со своим обычным уровнем и дробите части, только когда собеседник сделает это первым. Когда вы разговариваете с людьми ниже по положению, немного дробите части, чтобы они лучше вас понимали.

Если вы обращаетесь к большим группам людей, часто лучше всего подавать информацию крупными частями и избегать конкретики. Это позволит людям вложить собственный смысл в ваши обобщения, и вы не увязнете в конкретных деталях и технических подробностях. Укрупнение поможет вам установить направление для вашей команды, определив глобальные задачи бизнеса. Когда вы описали их, просто дробите части, пока не достигнете уровня, на котором работает ваша часть организации.

С другой стороны, чтобы написать руководство пользователя компьютерной системы, нужны мелкие конкретные детали. Осознавайте свои предпочитаемые размеры частей, и замечайте предпочтения других людей. Развив свою способность переходить выше, ниже и горизонтально, вы увеличите свою гибкость в общении.

Преднамеренно туманная речь

Если вы укрупните части и будете общаться на таком уровне, ваши разговоры станут «преднамеренно туманными». Это язык президентов, политиков, профессиональных ораторов, гипнотерапевтов и директоров. . . Преднамеренно туманная речь – это могущественная речь. Она могущественна, потому что в ней используются слова, которые лишены конкретного смысла, и все же в которые может поверить каждый. В ней используются грубые обобщения, пропуски деталей и искажения, удаляющие из сообщения весь конкретный смысл. <...>

(Молден Д. Психотехнология НЛП... М., 2000. С. 153-158.)

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ